Александр Кажуро

Жоймарица

Александр Кажуро

Жоймарица

«Автор»
2026

Кажуро А.

Жоймарица / А. Кажуро — «Автор», 2026

«В четверг не прясть». Старый запрет, о котором не принято вспоминать вслух. Но что, если четверг ещё не закончился?Монтажёр документального кино Анна привыкла иметь дело с застывшими кадрами чужих жизней, пока однажды в Великий Четверг на её телефон не поступает звонок. На том конце провода — голос отца, который умер много лет назад.Чтобы разобраться в происходящем, Анна отправляется в глухой румынский посёлок, где прошло её раннее детство. Родительский дом встречает её пустотой, облупившейся краской и тонкими красными нитями, протянутыми вдоль плинтусов. Здесь не работает связь, отражения в зеркалах запаздывают на долю секунды, а за забором стоит неподвижная женщина в сером платье, чьё лицо скрывают длинные волосы.Атмосферный фолк-хоррор с элементами временной петли и лавкрафтианского ужаса — о семейных тайнах, родовой памяти и цене возвращения к истокам.

© Кажуро А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Великий Четверг 6
Глава 1. Красная нить 6
Глава 2. Звонок из прошлого 10
Г 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Александр Кажуро
Жоймарица

КАЖУРО АЛЕКСАНДР

Часть I. Великий Четверг

Глава 1. Красная нить

Включённый телевизор перестал мерцать, и на экране всплыло сообщение:

«В Великий Четверг она выходит считать — кого не хватает».

Анна лежала на боку, уткнувшись лицом в подушку. Свет из окна почти не проникал, но ей казалось, что комната как будто жива, дышит вместе с ней. Телефон на тумбочке задрожал и скатился на пол. Она подняла голову и, морщась, на ощупь стала искать трубку.

Голос в трубке, раздражённый, но без злобы:

– Где ты вообще? Мы уже начали черновой прогон!

Она, сонно и сипло:

– Что?.. Который час?..

– Да твою ж мать, одиннадцать! У нас дедлайн по фестивальному монтажу сегодня, ты забыла?

Анна резко села, волосы упали на глаза. В комнате звучало тиканье часов, гул улицы и лай собаки снизу, будто мир подсказывал: время идёт, и его нельзя вернуть.

Вскакивая и запинаясь о плед:

– Господи, я… я сейчас буду! Просто у меня… будильник не сработал.

– Ты так говоришь каждый раз, – голос сквозь трубку улыбался и ворчал одновременно.

Девушка уже шла по комнате, натягивая джинсы, движения её были быстрыми, но слегка неловкими:

– Потому что он действительно каждый раз не сработал! Наверное, он меня ненавидит.

– Да, как и вся техника. И люди, между прочим, тоже иногда, – усмешка проскользнула сквозь раздражение.

– Знаю. Поэтому я и работаю с мёртвыми кадрами, а не с живыми людьми, – тихо, почти шёпотом.

Наступила короткая пауза. На другом конце линии, кажется, не знали, что сказать.

– Просто приезжай.

Анна направилась к умывальнику, скользя глазами по отражению в зеркале, и едва слышно сказала:

– Уже собираюсь.

Комната осталась на мгновение пустой, и лишь лёгкий шорох её движений напоминал, что день начался.

На кухне было тихо. На столе стояла остывшая чашка кофе, а на столешнице остался тёмный круг – маленькое напоминание о вчерашнем дне. Анна открыла шкаф. Пустые пачки чая и кофе были аккуратно сложены, словно хранили память о каждом утре.

Она трясла одну из пачек в кружку, надеясь на чудо, но там ничего не было. Взяв вчерашнюю чашку, она сделала глоток. Кофе был густой, горький и холодный. Анна поморщилась от вкуса.

– Великолепно… Идеальное утро, – пробормотала она себе под нос, и её голос потерялся в тишине кухни.

Коридор был пуст, и каждый её шаг отдавался эхом в его дальних углах. В уголке зрения мелькали знакомые символы: на стене висели обереги – сплетённые из нитей крестики, колокольчик, сухая веточка в красной ленточке. Она проходила мимо, словно их не существовало.

В тот момент, когда дверь закрылась за ней, колокольчик слегка зазвенел. Звук был коротким и почти неслышным, как дыхание прошлого. Квартира осталась пустой. В кухне

поверхность кофе в кружке едва заметно дрожала, будто кто-то прошёл по полу. Тишина снова окутала комнату, но ощущение присутствия — едва уловимое и странное — ещё висело в воздухе.

Двадцать минут спустя…

Коридор старого здания встретил её длинным, тускло освещённым проходом, стены с облупившейся краской словно шептали о прошлых днях. Анна влетела внутрь, одной рукой расстёгивая куртку, другой держа телефон, с головы слегка сползали наушники.

– Да, уже иду! Я здесь, я… – вполголоса проговорила она в трубку, – почти.

Из комнаты выглянул Игорь, лет тридцати, с кружкой в руках. На ней блестела надпись: «Монтаж или смерть».

– Опять почти? – сухо, но без злобы спросил он.

Тяжесть секунд повисла в воздухе.

– Я вообще думал, ты по дороге к нам решила смонтировать свою жизнь, сделать её более логичной, – добавил Игорь, не отводя взгляда от девушки.

Она усмехнулась, делая шаг к двери студии:

– Очень смешно. У тебя кофе есть?

– Есть… – Игорь сделал паузу и заглянул в кружку. – Был.

Анна фыркнула и пошла дальше, оставляя позади шум старого здания — запах пережжённого кофе, сухой треск аппаратуры и ту настороженную тишину, которая остаётся после чужих тяжёлых взглядов.

Монтажная встретила её полумраком. Окна были плотно занавешены, и свет от мониторов — холодный, мерцающий и непостоянный — казался единственным живым существом в помещении. Несколько экранов выводили блеклые кадры: смуглые деревенские лица, руки стариков, перетирающих шерстяные нити, обереги — выцветшие, но упрямо держащие форму.

Анна плюхнулась в кресло так, будто весь день уже позади, и мониторы мгновенно осветили её лицо бледным сиянием. На центральном экране застыл крупный план: старуха держит в пальцах тонкую нить, похожую на кровь времени — тугую и натянутую.

Она нажала пробел. Старуха, голосом сухим, как древняя трава, произнесла:

– И о них говорят, что нить нельзя рвать. Даже если жизнь уже кончилась.

Анна перекосила губы в скептической усмешке:

– Ну спасибо. Прекрасное утро.

Она мотнула головой, чтобы стряхнуть липкую сонливость и только что услышанные слова, которые будто прицепились к коже, и снова нажала play.

Начальник появился без звука — как тень, просто обозначив себя в дверном проёме. Мужчина лет пятидесяти, строгий, аккуратный, словно собранный из прямых линий. Он задержался взглядом на Анне, и в эту же секунду его брови вырисовали какие-то тайские символы. Наступила тишина, в этом взгляде помещался весь его профессиональный скепсис.

– Опять опоздала, – сказал он наконец.

Девушка не подняла глаз:

– Я не опоздала. Просто по дороге ещё на какую-то сумасшедшую наткнулась, да и материал изучала.

На другом конце помещения кто-то фыркнул, но не зло — скорее привычно. Начальник не улыбался:

– Короткий метр должен быть готов к фестивалю. «Народные промыслы. Память земли». Мы получили грант, Анна. Весь проект держится на сроках.

– Да я… почти всё… – выдохнула она.

– «Почти» не значит «готово».

Он сказал это холодно, без нажима, но так, чтобы каждая буква врезалась в воздух. Прошёл мимо, уже обращаясь к остальным:

– Сегодня – финальный просмотр. Завтра – презентация. Я прошу без задержек.

Его шаги растворились в тишине, а воздух начал резко остывать.

Анна снова откинулась на спинку кресла. Наушники заняли своё привычное место, почти автоматически. Чёрный экран мигнул из-за движения курсора. Она нажала play. Сначала – тишина. Затем – едва различимый детский шёпот, такой тонкий, что казалось, звук царапает саму плёнку:

– Раз, два, три… кто не закончил – к нему придёт Жоймарица…

Девушка резко сняла наушники, будто обожглась:

– Что за ерунда?.. Кто это вставил?

Игорь, не поднимая глаз от своего стола, отозвался лениво:

– Что бы там ни было – это не я.

– Позже удалю, – пробормотала она и вернулась к монтажу. Но пальцы на клавиатуре стали двигаться чуть медленнее, а шёпот, будто оставшись в комнате, тихо отзывался эхом в каждой мысли.

Прошло несколько часов, картина практически не менялась. Стоял всё тот же ровный полумрак. На экране перед ней медленно сменялись кадры: поле, потемневшие от времени деревенские дома, женщины за станками, склонившиеся над нитями, будто над собственными судьбами. Анна прокручивала таймлайн, расставляла звуки шагов, примеряла их к движению рук, синхронизировала голос старухи. Мониторы гудели едва слышно – словно воздух пытался ожить, но жизнь уже ушла навсегда. Где-то упала капля, свет негромко потрескивал, и от всего этого возникало ощущение обычного, скучного рабочего дня.

Она слегка поправила наушники, снова коснулась play, и вдруг ей показалось, что каждое мгновение, каждый звук, каждая нота кадра уже знакомы ей наизусть. Голос старухи прозвучал мягко, но с таким внутренним эхом, будто слова шли не из записи, а прямо издалека, из глубины самого кадра:

– В каждом доме есть комната, где время не идёт. Туда не заходят гости. Там ждут…

Анна невольно подняла глаза на тёмный экран, и в его отражении что-то шевельнулось у неё за спиной – едва заметный всплеск света, короткое дрожание тени. Она резко обернулась. Комната была пуста – только шнуры, столы и послушный, ровный свет мониторов.

Вернувшись к экрану, девушка вдруг заметила: в одном из планов, где всегда был просто старый деревянный стол, теперь лежал крошечный клубок ниток. На самом краю – так, будто кто-то аккуратно положил его туда секунду назад. Анна прищурилась, щёлкнула назад.

Стол был пустой, как и раньше.

Щёлкнула вперёд — клубок снова на месте.

– Это что… рендер глючит?.. – прошептала она, чувствуя, как по коже пробегает холодок, будто что-то в этой комнате оживило её слова.

Курсор остановился и больше не двигался. Мониторы чуть дрогнули в своём тихом свете. И вдруг – звук. Едва слышный, будто издалека: нежный звон колокольчика, тот самый, что висел в её коридоре, у двери. Звон был таким, как бывает, когда кто-то открывает калитку и идёт по двору, но видео в этот момент стояло на стоп-кадре.

Анна испуганно сняла наушники. Прислушалась: тишина была такой сильной, что казалось, будто она вот-вот раздавит её в своих объятиях. Та самая густая, правильная тишина монтажной.

Она выдохнула, устало потянулась, зевнула, поднялась и вышла из комнаты, закрыв при этом дверь с такой силой, будто пыталась отсечь кого-то или что-то, что преследовало её.

Монтажная была пуста. Камера, если бы она существовала, медленно отъезжала бы назад: через стол, через ряды мониторов, скользя по зеркальному блеску экранов. И лишь тогда проявилось бы то, что невозможно было заметить сразу. На всех экранах отражение девушки вставало – поднималось, разворачивалось, исчезало за дверью.

Кроме одного. На одном мониторе её отражение стояло неподвижно. Не уходило. Не мигало. Просто смотрело прямо вперёд. Слишком внимательно. Слишком долго.

Глава 2. Звонок из прошлого

Анна вышла из полутёмной монтажной и попала в другое измерение – светлое, шумное и живущее своей поверхностной, ничего не значащей жизнью.

У стойки ресепшена её встретила секретарь – молодая девушка с задорной улыбкой. Героиня заметила, как та лениво вертит в пальцах ручку, словно отбивая ритм последних минут рабочего дня. Казалось, весь ресепшен подстраивался под этот неспешный, лёгкий такт, и даже шум вокруг звучал в унисон с ним. Она вошла в поле этого ритма, и невидимая аура будто засосала её внутрь… но всё разрушил лёгкий звон флешки о стойку, когда та легла на поверхность.

– Вот. Флешка готова.

Анна аккуратно достала из сумки заполненный бланк и приложила его к флешке, словно подкрепляя доказательство их существования.

Секретарь приподняла брови и улыбнулась шире. Девушке даже слегка показалось, что та почувствовала, как она разрушила невидимую ауру ресепшена, – но это было лишь её субъективное восприятие ситуации.

– Супер! Тебя сегодня твои «орлы» снова довели?

Анна слегка улыбнулась в ответ – коротко, почти как по уставу:

– Как обычно… Не слушаются, спорят, дерутся.

– В мужском коллективе тяжело работать, наверное, – засмеялась секретарь, ставя штамп в бланк.

Монтажёр посмотрела куда-то мимо листа, словно зарываясь в собственные мысли:

– Привыкаешь. Главное – не влюбляться в оператора.

Обе девушки начали тихо хихикать. Печать снова сухо стукнула по бумаге.

Анна забрала документы, попрощалась и вышла в коридор, попутно пряча подписанный бланк. За её спиной невидимая аура ресепшена, которую видела только она, резко начала восстанавливаться, словно её кратковременное разрушение оставило только крохотную трещину в привычном ритме пространства.

Телефон в её кармане внезапно зазвонил. Номер – незнакомый. Анна поколебалась долю секунды и ответила. Мужской голос – неровный, будто собирающийся заново после долгой паузы:

– Анна?.. Это… твой отец.

Она остановилась посреди тротуара:

– Простите?.. Кто говорит?

Словно бы воздух вокруг потяжелел.

– Время идёт… – продолжил голос. – Мы скучаем по тебе. Мама… в очень плохом состоянии, почти не говорит. Последнее, чего она хочет… это увидеть тебя.

Девушка сглотнула, дыхание сбилось:

– Я… я приеду, папа.

Связь оборвалась так резко, будто кто-то перерезал нить. Она смотрела на погасший экран, снова включала его, пыталась сохранить номер – пальцы дрожали. Потом остановилась, оглядела вечерний город: окна, свет, прохожие, чужие спины, чужие жизни.

Подъехало такси. Анна с трудом вспомнила, куда шла, и села внутрь. Машина мягко тронулась, и пассажирка уставилась в окно: весенний дождь оставил на стекле дорожки, по которым растекался свет фонарей – длинные, жидкие полосы.

Где-то глубоко в памяти зашуршали старые, тёплые образы: мама – улыбающаяся, с мукой на фартуке – ставит на стол горячие пироги, а маленькая Аня кружится рядом, смеётся.

Папа накрывает её своим плащом: дождь хлещет, они стоят под огромным старым деревом, где листья играют под «пальцами» дождя.

Она моргнула – и воспоминания рассыпались. Радио играло весёлую мелодию, совершенно не подходящую к её настроению.

Такси мчалось сквозь вечерние улицы, а город отражался в его стёклах, словно светящееся, пульсирующее тело. Дома, улицы, перекрёстки – сеть сияющих вен, по которым текла ночная жизнь, мерцающая в ритме машин и фонарей. И вот по радио уже говорили о Великом Четверге, о традициях и службах. Но Анна не слушала. Она смотрела в окно – и впервые за долгое время чувствовала, что мир вокруг медленно меняет направление, как воды реки, которой вдруг перекрыли старый путь.

Уличный шум постепенно стихал, растворяясь в ночной пустоте, пока не воцарилась знакомая, давящая тишина. В ней отчётливо эхом раздавались шаги, а лампы дневного света вспыхивали редкими дрожащими огнями.

Анна шла между рядами машин, сумка тяжело свисала с плеча. В самом углу стоял красный «Фольксваген», старый, покрытый пылью. Она замедлила шаг, на мгновение прикоснулась к кузову рукой, осмотрела пальцы – на них остался тонкий слой серого налёта. Смахнув его одной рукой, она только запачкала вторую.

Девушка двигалась к багажнику, и едва слышный, почти незаметный звон привлёк её внимание. За спиной, в неосвещённом углу, что-то мелькнуло, но глаза не различили деталей. На холодном полу лежала красная нить, тянувшаяся к тёмной точке угла, а ветер уносил её в пустоту. Она не обратила внимания: открыла и закрыла багажник, села в машину, вставила ключ в замок зажигания. Двигатель завёлся с привычным гулом.

Старая магнитола заиграла тихо, немного хрипло, словно вторя её настроению. Анна достала телефон, набрала номер:

– Андрей, я завтра не приду, – сказала усталым голосом.

В трубке раздался раздражённый, но знакомый голос. Она выдохнула и сухо ответила:

– Да, понимаю. Я просто… должна съездить. У родителей проблемы.

Несколько секунд тишины, затем тихо:

– Спасибо, что отпустил.

Она сбросила звонок. В машине повисла пауза, заполненная долгим выдохом и треском магнитолы.

Ночь за окном стала ещё плотнее. Фары вырывали из темноты мокрый асфальт, придорожные щиты, старые деревья. Анна посмотрела в стекло; веки тяжело опустились, словно ночь сама пыталась смыкать их, но внутреннее напряжение не давало погрузиться в сон. Она чувствовала каждое движение машины, каждую неровность дороги – и даже слабый звук двигателя отдавался где-то внутри.

Вдруг рык мотора – резкий рывок. Машина чуть сошлас полосы. Анна вздрогнула, обхватила руль, ударилась лбом, а затем грудью испуганно прижалась к нему, резко морщась от боли. Несколько раз ударила себя по щекам, чтобы вернуть сознание, глубоко вдохнула и снова двинулась вперёд.

В голове мелькали образы, сливаясь с дождливой дорогой за окном. Фары внезапно выхватили силуэт у обочины – женщина в длинном платье, а рядом – кромешная тьма. Машина приближалась, а образ висел в воздухе, нереальный, чужой, казалось, что он исчезает и вновь появляется. Радио зашумело, сквозь треск пробился тихий шёпот на непонятном языке, и он будто касался самой кожи. Сердце сжалось, кровь застыла в жилах, а в груди застряла тяжесть, которая не давала дышать. Всё вокруг будто замерло: холодный дождь, влажный асфальт, огни фонарей – и из тьмы что-то рвануло к машине, почти ощутимо касаясь её бокового стекла. Девушка вдохнула, но воздух застрял в горле, и паника ударила волной, от которой ноги дро-

жали, а руки сжимали руль до боли. Мир вокруг двигался медленно, неуловимо, и она ощущала каждый звук, каждый отблеск света – как предвестие чего-то, что ждало впереди.

Машина медленно скользнула на обочину и остановилась, словно сама ночь подчинила её своей воле. Дождь лил без конца, стуча по крыше и капоту, и каждый удар казался тяжелее предыдущего. Анна закрыла глаза, и мир вокруг стал туманным; тяжесть ночи опустилась на голову, давя на грудь и скручивая плечи, притягивая к границе потери сознания. Это была не усталость – это была чуждая сила, решившая, что ей пока не следует видеть то, что ждёт впереди. Сознание медленно покидало её, и в последнем осознанном миге она ощутила, как мрак будто сжимает ей грудь, пресекая каждую попытку вдохнуть этот и без того тяжёлый, липкий воздух.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.